

Контактные явления в языке куллуи

1. Введение

Статья посвящена языковым контактам куллуи, получившим отражение в ряде лексических и грамматических заимствований. Куллуи – индоарийский язык группы химачали, распространенный в горной долине Куллу в штате Химачал-Прадеш (Индия)¹. В основу доклада легли данные четырех экспедиций в округ Куллу в 2014-2018 гг. К настоящему моменту объем собранного словаря составляет более 2,5 тысяч словарных статей, из которых протимологизировано около 850, что позволяет получить представление об основных источниках лексических заимствований в языке куллуи.

2. Контакты куллуи с другими языками в прошлом и настоящем

Территориально куллуи граничит с другими идиомами химачали-пахари: с языком мандеали на западе (дорога, связывающая горную долину Куллу с равниной, пролегалла и до сих пор пролегалла через ареал распространения мандеали – округ Манди), с сейнджи и внутренним сираджи (идиомы, близкие к куллуи) на юге, а также с тибето-бирманскими идиомами на востоке и северо-востоке (лахули, спити, ньямкат, бхоти-киннаури, тукпа). На севере долины Куллу в деревне Малана проживают носители тибето-бирманского изолята канаши. Исторически на куллуи в разное время оказывали влияние языки более высокого статуса. В могольской империи роль официального языка выполнял персидский, а в британской Индии – урду. До 1966 г. территория современного штата Химачал-Прадеш входила в состав штата Панджаб с территориально распределёнными официальными языками хинди и панджаби (на территории распространения куллуи официальным языком был и остаётся хинди). В настоящее время официальным языком штата Химачал-Прадеш является хинди, он наряду с английским используется в образовании. Хинди и английский становятся все более популярными в регионе

¹ Исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 19-012-00355 (2019-2021) «Исследование языка куллуи на основе корпуса устных текстов», рук. Ю. В. Мазурова.

в результате общих процессов глобализации. Санскрит сохраняет свою актуальность как язык индуистской традиции. Рассмотрим, какие следы контактов с этими языками можно обнаружить в лексике и грамматике куллуи.

Около половины исследованных нами в этимологическом отношении лексем были отнесены к заимствованиям. В случае неиндоарийских языков-источников заимствования выявлялись по лексическому принципу, тогда как заимствования исконной для индоарийских языков лексики из других индоарийских языков определялись на основании историко-фонетических данных.

3. Лексика, пришедшая в куллуи из неиндоарийских языков

Прежде всего речь о лексике арабского (40 ед.) и персидского (97 ед.) происхождения. Как правило, эта лексика хорошо представлена и в хиндустани, и мы можем предположить, что именно хиндустани (в большинстве случаев сложно разграничить хинди и урду в качестве источников влияния) является языком-посредником, через который арабо-персидская лексика приходит в куллуи. Этимологии этих слов указаны по словарям [Turner 1931, Бархударов и др. 1972, Platts 1884]. Сюда относятся слова:

а) арабского языка: *adət* [хин. ādat < араб. 'ādat] 'привычка', *admi* [хин. ādmī < араб. ādmī] 'мужчина', *am* [хин. ām < араб. 'ām] 'обычный', *bad* [хин. bād < араб. bā'd] 'после', *bəgere* [хин. vagairah < араб. va-gairu-hu] 'и тому подобное', *betək* [хин. batak < араб. baṭṭa] 'утка', *dunija* [хин. duniyā < араб. dunya] 'мир, вселенная' и др.

б) персидского языка: *agər* [хин. agar < перс. agar] 'если', *ara* [хин. ārā < перс. arge] 'пила', *bag* [хин. bāg < перс. bāq] 'сад', *baṗəs* [хин. vāpas < перс. vāpas] 'обратно', *betfa* [хин. baccā < перс. bačče] 'ребенок', *bədzar* [хин. bāzār < перс. bāzār] рынок, *bəgitfa* [хин. baḡicā < перс. bāqče] 'сад' и др.

Однако имеет место и случай, когда заимствованная из арабского и персидского лексема в хиндустани не зафиксирована, и следует предположить, что она была заимствованна в куллуи непосредственно из языка-источника либо через неизвестный язык-посредник: *kardar* [< перс. kār-dār] 'управляющий' (в данном случае интересно ещё и то, что слово сохранило нехарактерный для куллуи облик, включающий два ударных гласных, передающих персидские долгие).

Ещё одним источником массовых заимствований является английский язык, один из двух официальных языков Индии, преимущественный язык общения с многочисленными иностранными туристами в регионе и язык школьного образования для части населения. В ходе этимологического анализа лексики куллуи были выявлены следующие английские заимствования:

в) *glas* [*< англ. glass*] ‘стакан’, *plastu* [*< англ. plus two*] ‘старшая школа’, *tajp* [*< англ. type*] ‘тип’, *ṭaim* [*< англ. time*] ‘время’, *suṭ* [*< англ. suit*] ‘костюм’, *ṣṭail* [*< англ. style*] ‘стиль’, *ṣṭendærd* [*< англ. standard*] ‘стандарт’, *skul* [*< англ. school*] ‘школа’, *pinsəl* [*< англ. pencil*] ‘карандаш’, *p^hiləm* [*< англ. film*] ‘фильм’ и др.

В обширном пласте английских заимствований можно особо выделить группу слов, связанных с образовательными институтами. Другой значительной частью англицизмов являются слова, не связанные с какими-либо новыми понятиями, зачастую имеющие исконные или заимствованные из других источников синонимы. В этом случае использование английских слов, по-видимому, объясняется более престижным статусом языка по сравнению с куллиу или даже хинди.

Особый интерес представляют лексические единицы, фонетический облик или семантика которых позволяет предположить менее обычный путь заимствования. Так, куллиу *ṣengətra* ‘вид сладкого цитрусового’, соответствует в современном хинди *santra*, вариант *sangtara* зафиксирован лишь в словаре хиндустани [Platts 1884, с. 686] со ссылкой на персидский язык. По-видимому, первое упоминание этого названия встречается в «Бабур-наме» в транскрипции *sangtara* (Бабур-наме, г. 1519-1520). Также *sangtara* имеется в персидском словаре [Steingass 1892, с. 703], однако в современном персидском это слово уже не употребляется. Из современных крупных индоарийских языков вариант *sangtara* присутствует только в урду и панджаби, параллельно с *santara*. Можно предположить, что, попав в индийский региональный вариант персидского языка во времена Бабура или ранее, слово подверглось переразложению на составные части *sang* ‘камень, шарообразный предмет’ и *tara* ‘зелень, растение’, в таком виде закрепилось в урду и панджаби, но не в персидском языке Ирана. Также в крупных индоарийских языках можно встретить следующие формы: хинди, урду и панджаби *santarā*, непальский *suntalā* / *santolā*, ассамский *xontarā*, *xumthirā*, бенгальский *sāntārā*, ория *sāntarā*, маратхи *santrē*, гуджарати *santrū* (формы даны по [Turner 1931, Schmidt 1993, Candrakanta 1962, Biswas 2000, Praharaj 1931, Singh 1895, Berntsen 1982, Мамаева 1990]). Таким образом, фонетический облик лексемы куллиу явно указывает на её заимствование из урду или из панджаби.

Традиционная этимология [Platts 1884, Бархударов и др. 1972 и пр.] связывает название фрукта с названием португальского города Синтра, известного в Европе своими апельсинами. Однако, как справедливо замечает [Bonavia 1888, с. 224], португальский апельсин и индийская сантра – это очень разные фрукты (последняя больше напоминает мандарин), при этом апельсин был завезён в Португалию из Китая, по самым ранним оценкам, около 1480 года, а сантра, по историческим данным, распространялась на запад Индии с северо-востока, где, по-ви-

димому, произрастала значительно раньше в полудиком виде. Бонавия связывает первоначальную культивацию сантры с австроазиатским народом кхаси в Ассаме. Основываясь на этом исследовании, мы предлагаем иную этимологическую гипотезу: данное слово – результат заимствования в индоарийские языки слова кхаси *sohñiamtra* [Singh 2008 (1904), с. 209], обозначающего тот же фрукт. В слове кхаси вычленяются три элемента: *soh* ‘фрукт’, являющееся регулярным первым членом характерных для австроазиатских языков лексических комплексов (например, *sohpieng* ‘манго’, *sohmyndong* ‘лимон’), *ñiam*, вероятно, связанное с индоарийским *nimbu* ‘лайм’, к которому восходит ассамское *netu* ‘лайм’, и *tra*, которое, как и *ñiam*, не представлено в кхаси как самостоятельная единица, но имеет мон-кхмерскую параллель **[t]rrah* ‘вид цитрусового’ [Shorto 2006, с. 524].

Лексему *dzanana* ‘женщина’ также, по-видимому, следует возвести к урду. Однако в таком значении это слово в урду не зафиксировано. Основное его значение в качестве существительного – ‘женская половина дома’, а в качестве прилагательного – ‘женский’, и в разговорном хиндустани слово неупотребительно. В куллуи слово характерно для представителей старшего поколения, носители среднего и младшего возраста употребляют исконное *betri*. Можно предположить, что заимствование с изменением семантики имеет своим источником урду как официальный язык британской Индии, подобно тому как англицизм *lejdis* (< англ. *ladies*) используется в современном разговорном хинди в значении ‘женщина; самка животного’.

Куллуи *ser* ‘г. Кулу’, несомненно, связано с перс. *šaxr* ‘город’, однако как в хинди, так и в урду в этом слове сохраняется фонема *ʃ*. Обычно она сохраняется и в персизмах куллуи, но в данном случае перешла в *s*. По-видимому, заимствование пришло через мандеали, где есть существительное *sehr* ‘город’ [Ranganatha 1980, с. 137].

Несмотря на то, что куллуи имеет контакты с тибето-бирманскими идомами, большого количества тибето-бирманской лексики в куллуи обнаружить не удалось. Отчасти это связано с недостатком словарей по малым тибето-бирманским языкам Индии и исследований по тибето-бирманской исторической фонетике. Однако мы приведём несколько возможных заимствований, которые нам удалось обнаружить:

- *bəŋsoka* ‘дикая кошка’ – согласно личному свидетельству профессора Анджу Саксены, в языке киннаури *bansak* имеет значение ‘дикое живое существо (животное или растение)’, а *sak* – ‘дышащее существо’. *bəŋ* может быть как заимствованным элементом, так и безударной первой частью композита, в независимой форме представляющей собой существительное *bəŋ* ‘лес’.

- *tsəŋag^h* ‘тигр’. Возможно, связано с **^Atsjan* ‘тигр/леопард’ [Matisoff 531], имеющим параллель и в тибето-бирманском языке Химачала бунан *tsan* ‘снежный барс’ [Widmer: 842].

- *keṛi* ‘самка фазана-мунала’. Возможно, связано с бунан *k^hwarek* ‘фазан’ [Widmer, p. 839]. Можно отметить, что все три предположительных заимствования из соседних тибето-бирманских языков обозначают представителей местной фауны.

4. Заимствования слов индоарийского происхождения

Если заимствования из других языковых семей выявляются при помощи лексического анализа, то заимствования внутри индоарийской языковой семьи требуют привлечения данных по индоарийской исторической фонетике. К сожалению, историческая фонетика малых языков западных Гималаев не всегда даёт достаточно информации для выявления междиалектных заимствований. В работе Хендриксена [Hendriksen 1986, с. 192] перечислены изоглоссы, разграничивающие такие языки химачали, как котгархи, кочи, киунтхали, багхати, джаунсары, сирмаури, куллуи и мандеали. Из этих изоглосс лишь небольшая часть позволяет отчасти выявить источник заимствованной лексики в куллуи, отделив мандеали и другие языки химачали друг от друга. В случае крупных индоарийских языков, таких как панджаби и хиндустани, мы использовали изоглоссы, приведённые в [Masica 1991, с. 459]. Таким образом, мы выявляли заимствования в куллуи, исходя из следующих данных:

Фонетические переходы от др.-инд. к новоиндийским языкам	куллуи	другие химачали (из списка Хендриксена)	ман-деали	хинди	панджаби	санскрит
*VCC > ∇C	-	+	+	+	-	-
*a>ɔ в ударной позиции	+	+	-	-	-	-
*ś > ʃ *s > s	+	+	-	-	-	+
*l>[// V V	+	+	+	-	+	-
*n>ŋ // V V	+	+	+	-	+	-
*ks>tʃ ^h	+	-	-	-	-	-
*tr > tʃ *dr > dʒ	+	-	-	-	-	-
*tr, *dr сохраняются	-	-	+	-	-	+
*kr, *gr, *pr, *br сохраняются	+	+	+	-	-	+
*NT>ND	+	+	+	-	+	-
*c > ts *ch > ts ^h	+	+	+	-	-	-

*j > dz, *jh > dz ^h						
*gh- > k-, *jh- > tʃ- *dh- > t- *dh- > t- *bh- > p- // _ V	-	-	-	-	+	-
*ʃ > h // V V	-	-	-	-	+	-

Помимо мандеали ареально близкими к куллуи языками являются сейнджи и внутренний сираджи, однако данные по фонетике этих языков крайне отрывочны. Основываясь на наших полевых данных, мы можем утверждать, что оба этих языка разделяют с куллуи большое количество изоглосс, и, в частности, изоглоссы, которые отличают куллуи от других химачали, а именно переходы *kʃ > tʃ^h, а также *tr > tʃ и *dr > dz. Эти факторы крайне осложняют выделение возможных лексических заимствований из этих языков.

Наиболее многочисленными (более 60) ожидаемо оказались заимствования из хиндустани: *age* [хин. āge < др.-инд. ágra] ‘вперед’, *balu* [хин. bālū < др.-инд. vāluka] ‘песок’, *bās* [хин. bās < др.-инд. vaṁśá] ‘бамбук’, *bəḍʰija* [хин. baṛʰija < др.-инд. vardhita] ‘прекрасный’, *bʰala* [хин. bhālā < др.-инд. bhalla ‘копьё’, *bʰalu* [хин. bhālū < др.-инд. bhallū] ‘медведь’ и др.

Имеется также ряд случаев, когда источником слова, по данным исторической фонетики, мог быть как хинди, так и панджаби. Учитывая, что в целом заимствований из хинди в несколько раз больше, чем из панджаби, в случае этих слов хинди также более вероятен, однако мы выделим их в особую группу (12 слов): *badʒa* [хин. пандж. bājā < др.-инд. vāḍya] ‘музыкальный инструмент’, *dakʰ* [хин. пандж. dākḥ < др.-инд. drākṣā] ‘виноград’, и др.

Ряд заимствованных в куллуи лексем имеются и в хиндустани, и в панджаби, однако в хиндустани, судя по их фонетическому облику, являются панджабизмами: *vtʰa* [пандж. acchā < др.-инд. accha] ‘хорошо’, *khetsər* [пандж. khaccar < др.-инд. *khaccara] ‘мул’, *ressi* [пандж. rassī < др.-инд. raśmī] ‘веревка’, *tsepu* [пандж. cəppu < др.-инд. *caṅga] ‘весло’.

И, наконец, в куллуи имеются также лексемы панджабского происхождения, не представленные в хиндустани: *desṇa* [dassṇa < darśayati] ‘рассказывать’ (имеется также в мандеали [Ranganatha 1981: 125], но не может быть признано исконным и для него по историко-фонологическим соображениям), *ikətali* [iktāli < ěkacatvāriṁśat] ‘41’, *uṇati* [uṇattī < ūnatriṁśat] ‘29’ и др.

Существенная часть лексики куллуи – заимствования из санскрита (вероятно, также через хиндустани): *amarat* [< санскр. amṛta] ‘бессмертный’, *atma* [< санскр. ātmá] ‘душа’, *basmati* [< санскр. bāsmati] ‘рис басмати’, *b^hag* [< санскр. bhāg < bhāgá] ‘доля’, *b^harət* [< санскр. bhārata] ‘Индия’, *b^həgwan* [< санскр. bhagavat] ‘бог’, *b^hut* [< санскр. bhūtá] ‘призрак’ и др.

Из прочих перечисленных у Хендриксена диалектов химачали наибольшее влияние на лексический состав куллуи оказал мандеали. Поскольку достаточно полного и точного словаря мандеали не существует, в большинстве случаев при выделении мандеализмов мы полагались лишь на данные исторической фонетики. Следующие слова соответствуют исторической фонетике мандеали (некоторые из них также присутствуют в описании мандеали [Ranganatha 1980, p. 119, 45, 126, 125, 128], в целях унификации транскрипции фонема мандеали а: в описании Ранганатхи передана нами как ā): *airna* [< др.-инд. adhikarōti] ‘приводить в порядок основу, чтобы ткать материю’, *angəŋ* [манд. āngəŋ < др.-инд. aṅgana] ‘двор’, *ark^həŋ* [< др.-инд. aratni] ‘локоть’, *basi* [манд. bāsi < др.-инд. dvyaṣṭi] ‘82’, *batər* [<др.-инд. *vaptra] ‘влажность’, *b^haŋ-b^haŋi* [< др.-инд. *bhan bhānati] ‘тоска’, *dʒendra* [< др.-инд. yantrá] ‘замок’, *dəŋgra* [манд. đangra < др.-инд. *đaŋgara] ‘животное’, *tramba* [манд. tramba < др.-инд. tāmra + метатеза, возможно, в результате контаминации с trāpun ‘олово’] ‘медь’, *ts^hapər* [манд. charpər < др.-инд. chattvará] ‘крыша’.

О следующей группе слов нельзя сказать, является ли их источником мандеали или другие диалекты химачали: *agəl* [< др.-инд. *argada, argala] ‘засов’, *bak^hi* [< др.-инд. vākṣas] ‘сторона’, *bak^hə* [< др.-инд. *bakk] ‘открывать рот’, *b^hadzi* [< др.-инд. bhajita] ‘жареные овощи’, *taŋg* [< др.-инд. ṭaṅka, ṭaṅga] ‘нога’, *tap^hi* [< др.-инд. *tarpa] ‘хижина для работы в поле’, *uk^hərna* [< др.-инд. *avakṣala] ‘быть чистым (об одежде)’.

Следующие слова соответствуют по своему фонетическому облику исторической фонетике иных перечисленных у Хендриксена диалектов, отличных от куллуи и мандеали: *aŋi* [< др.-инд. *aśṣīti] ‘80’, *k^hə/na* [< др.-инд. kṣālati] ‘промывать шерсть’, *əŋək^h* [< др.-инд. anakṣá] ‘усталость, лень’, *feta* [<др.-инд. śvaitra] ‘белый’.

5. Контактные явления в грамматике куллуи

Контактные явления наблюдаются и в грамматике куллуи. На данный момент мы можем с уверенностью говорить о наличии грамматических заимствований из ареально близких языков химачали.

К несомненным контактными явлениям относится появление в куллуи разряда новых неодушевленных указательных местоимений взамен ранее утраченных указательных местоимений среднего рода.

Указательные местоимения в современном куллуи, также как и имена, бывают мужского и женского рода: формальные различия проявляются в единственном числе в падежах, отличных от прямого. Эти местоимения совмещают атрибутивную и субстантивную функции, а также выступают в роли личных местоимений 3 лица. При этом отдельно выделяются неодушевленные местоимения. Они выступают только в субстантивной функции, не имеют плюральных форм и формы прямого падежа, при этом различают ближний и дальний дейксис. Это местоимение *ïi* (с более редкой диалектной разновидностью *ði*) ближнего дейксиса и *tïi* дальнего дейксиса. Система указательных местоимений в куллуи представлена в Таблице 1.

Таблица 1. Система указательных местоимений в языке куллуи

Указат. местоимения		Ближний дейксис			Дальний дейксис		
Число	Падеж/Род	M	F	INAN	M	F	INAN
SG	DIR	<i>e</i>		-	<i>sɔ</i>		-
	OBL	<i>ei</i>	<i>esa</i>	<i>ïi</i>	<i>tei</i>	<i>tesa</i>	<i>tïi</i>
	ERG/INSTR	<i>eiē</i>	<i>ese</i>	<i>ïie</i>	<i>teie</i>	<i>tese</i>	<i>tïie</i>
PL	DIR	<i>e</i>		-	<i>te</i>		-
	OBL	<i>inha</i>			<i>tinha</i>		
	ERG/INSTR	<i>inhe</i>			<i>tinhe</i>		

Противопоставление местоимений мужского и женского рода неодушевленным местоимениям типологически предполагает, что категория рода в таком случае характерна только для местоимений, обозначающих одушевленные объекты, однако в куллуи это не так: местоимения обоих родов могут обозначать как одушевленные, так и неодушевленные объекты. При этом неодушевленные местоимения в куллуи имеют устойчивый набор особых функций, а именно, они обозначают неодушевленные объекты в сочетании со всеми послелогоами, кроме аккумулятивно-дательного, а также замещают глагольные группы и синтаксические актанты и др.

Несмотря на большую частотность неодушевленных указательных местоимений в куллуи, в существующих описаниях языка они либо вовсе не упоминаются (как, например, в [Diack 1896, Bailey 1908, Sharma 2014]), либо сведения о них крайне отрывочны ([Grierson 1916, Thakur 1975, Ranganatha 1981]). Так, в подробном грамматическом очерке куллуи [Thakur 1975, p. 258] приводится неодушевленное указательное местоимение *ïi*, которое, по словам автора, встречается только в некоторых районах округа Куллу. Больше про него ничего не сказано, примеры отсутствуют, местоимение дальнего дейксиса *tïi* в работе не упоминается. В описании куллуи [Grierson 1916, p. 670-687] указываются только местоимения мужского и женского рода, однако в текстовом

примере встречаются местоимения *ui* и *oi*, соотносящиеся с сентенциальными актантами. В [Ranganatha 1981, p. 90] упоминается наличие в куллуи местоимений среднего рода, однако далее в работе они нигде, в частности в сводных таблицах склонения местоимений, не приводятся.

Неодушевленные указательные местоимения, сопоставимые по своим функциям с аналогичными местоимениями в куллуи, встречаются и в других химачали, ср. кочи, котгархи, киунтхали, шимлский сираджи, мандеали и др. [Grierson 1916, p. 566, 594, 723; Ranganatha 1981: 38; Hendriksen 1986, p. 115-116]. При этом во всех этих языках они этимологически являются сохранившимися рефлексам древнеиндийских местоимений среднего рода, что позволяет авторам описаний классифицировать их как местоимения среднего рода в современных химачали (см. Таблицу 2). Однако в куллуи, как мы можем заметить, эти местоимения образованы от другой основы. Если указательные местоимения в куллуи и перечисленных здесь химачали восходят к древнеиндийским местоимениям *eṣa* (ближний дейксис) и *sa* (дальний дейксис) и их формам, то неодушевленное местоимение ближнего дейксиса *īi* с большой вероятностью восходит к древнеиндийскому местоимению дальнего дейксиса *asau*, тогда как *tīi*, не упоминаемое ни в одном из существующих описаний, скорее всего образовалось уже непосредственно от *īi* по формальной аналогии, а именно с учетом того, что формально местоимения дальнего дейксиса по всей парадигме отличаются от местоимений ближнего дейксиса только начальным *t-*.

Таблица 2. Система указательных местоимений в языке мандеали [Ranganatha 1981, p.38]

Указательные местоимения		Ближний дейксис			Дальний дейксис		
Число	Падеж/Род	M	F	N	M	F	N
SG	DIR	<i>je</i>			<i>se</i>		
	OBL	<i>jes</i>	<i>jessa</i>	<i>jetta</i>	<i>tes</i>	<i>tessa</i>	<i>tetta</i>
	ERG	<i>inne</i>	<i>jesse</i>	<i>jette</i>	<i>tinne</i>	<i>tesse</i>	<i>tette</i>
PL	DIR	<i>jō</i>			<i>sjō</i>		
	OBL	<i>innha</i>			<i>tinnha</i>		
	ERG	<i>innhe</i>			<i>tinnhe</i>		

Учитывая все вышеперечисленное, можно предположить, что в куллуи ранее, также как и в других химачали, существовали указательные местоимения среднего рода. В дальнейшем с утратой среднего рода у существительных бывшие местоимения среднего рода сохранились в ряде химачали с набором определенных функций, тогда как в куллуи были утрачены. При этом под контактным влиянием соседних химачали в куллуи образовался новый разряд неодушевленных местоимений, которые имеют те же функции, что и рефлекс местоимений среднего рода в других химачали.

Остается понять, какой именно из языков химачали мог послужить источником подобного грамматического калькирования. Из всех языков химачали куллуи ареально граничит с мандеали на западе и с сейнджи и внутренним сираджи на юге. В мандеали зафиксировано местоимение, бывшее ранее местоимением среднего рода. Сейнджи и внутренний сираджи остаются практически не описанными и представлены в [Grierson 1916, p. 691, 702] как языки, в которых указательное местоимение среднего рода не сохранилось. При этом в текстовом примере на внутреннем сираджи в работе Грисона встречается форма указательного местоимения *teta*, служащая для обозначения сентенциального актанта, и эта форма как раз этимологически является местоимением среднего рода (ср. мандеали *tetta*). Таким образом, куллуи оказывается в окружении родственных языков химачали, в которых бывшее местоимение среднего рода сохраняется с другими функциями, и языком – источником контактного влияния мог быть как внутренний сираджи, так и мандеали.

Грамматическое сходство, которое может быть объяснено контактным влиянием, наблюдается также в случае превентивов в куллуи и мандеали. Под превентивами понимаются формы отрицательного императива будущего времени. В обоих языках они представляют собой сочетания особой превентивной частицы и имперфектного причастия, согласующегося с субъектом по роду и числу (подробнее см. [Ренковская 2018]), ср.:

Куллуи

- (1) *ker-i*
 делать-IMP.FUT
 «Делай (в будущем)».
- (2) *heri ker-d-a*
 PRV делать-PTCP-M.SG
 «Не делай (в будущем)».

Мандеали

- (3) *dek^{he} kar-d-a*
 PRV делать-PTCP-M.SG
 «Не делай (в будущем)».

Как наличие отдельной превентивной частицы, так и в целом несимметричность образования положительных и отрицательных форм императива мало характерны для современных индоарийских языков: как правило, даже если в языке есть отдельные императивные формы будущего времени, для их отрицания служит та же прохибитивная частица, что и для отрицания обычных императивных форм. По-видимому,

в куллуи и мандеали формы превентива сравнительно новые с диахронической точки зрения: они не упоминаются в существующих описаниях, кроме того, в этих языках сохранились более архаичные и типологически более ожидаемые отрицательные формы императива, образуемые прибавлением к форме императива прохибитивной частицы. Превентивные частицы как в куллуи, так и в мандеали грамматикализовались из форм императива будущего времени глагола ‘видеть’, однако от разных основ: в куллуи это *her-*, тогда как в мандеали – *dek^h-*. Все это говорит о том, что в одном из этих языков превентивные формы с большой вероятностью образовались как грамматическая калька форм другого языка, однако точно определить направление развития на имеющемся материале невозможно. При этом можно говорить о наличии контактных грамматических явлений в языках куллуи и мандеали с учетом того, что в сейнджи и внутреннем сираджи аналогичные превентивные формы не засвидетельствованы.

6. Заключение

Рассмотренный в статье лексический материал позволяет сделать вывод о том, что из крупных индоарийских языков наибольшее влияние на куллуи оказал хиндустани. При этом количество заимствованной в куллуи исконной лексики хиндустани сравнительно невелико, большая часть заимствований – это пришедшие через хиндустани санскритские, арабские и персидские слова. При этом имеют место и случаи, когда заимствованная из арабского и персидского лексика в хиндустани не зафиксирована: возможно, она была заимствованна в куллуи непосредственно из этих языков либо через неизвестный язык-посредник.

Среди диалектов химачали заметно лексическое влияние мандеали, заимствования из других граничащих с куллуи языков химачали (сейнджи, внутренний сираджи) трудно установимы как по причине историко-фонетического сходства между куллуи и этими языками, так и ввиду скудных данных по их фонетике. Имеется небольшое количество заимствований из ареально более удалённых языков химачали. Панджаби, несмотря на свою географическую близость и бытность одним из официальных языков штата Панджаб, включавшего территории современного штата Химачал-Прадеш до 1966 г., значительного влияния на куллуи не оказал.

В куллуи встречаются также слова, имеющие предположительно тибето-бирманское происхождение, и все найденные на данный момент возможные тибето-бирманские заимствования обозначают представителей местной фауны.

Отмеченные грамматические заимствования указывают на контактное влияние ареально близких к куллуи языков химачали.

Грамматические сокращения

FUT – будущее время, IMP – императив, M – мужской род, PRV – превентивная частица, PTCP – причастие, SG – единственное число

Литература

1. Бархударов А. С., В. М. Бескровный, Г. А. Зограф, В. П. Липеровский (под редакцией В. М. Бескровного). *Хинди-русский словарь в двух томах*. М.: Советская энциклопедия, 1972.
2. Захир Ад-дин Мухаммед Бабур. *Бабур-наме*: // [сайт] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Babur/frametext9.htm> (дата обращения 20 августа 2020).
3. Мамаева В. В. *Гуджарати-русский словарь*. М. Русский язык, 1990.
4. Ренковская Е. А. Неодушевленные указательные местоимения в языке куллуи // *Шестнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 21–23 ноября 2019 г.)*. / Ред. Е. А. Забелина. СПб.: ИЛИ РАН, 2019.
5. Ренковская Е. А. Императив в языке куллуи // *Труды Института востоковедения РАН. Вып. 6: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Языки Южной и Юго-Восточной Азии (Материалы научной конференции, ИВ РАН, 26 октября 2016 г.)* / Отв. ред. З.М. Шаляпина сост., ред. А.С. Панина, А.И. Коган. М.: ИВ РАН, 2018. С. 168-173.
6. Bailey T. G. *The Languages of the northern Himalayas, being studies in the grammar of twenty-six Himalayan dialects*. London: The Royal Asiatic Society, 1908.
7. Berntsen, M. *Marathi Teaching Materials*. New Delhi: American Institute of Indian Studies, 1982-1983.
8. Biswas, S. *Samsad Bengali-English dictionary*. Calcutta, Sahitya Samsad, 2000.
9. Bonavia, E. *The Cultivated Oranges and Lemons, etc. of India and Ceylon: with Researches into their Origin and the Derivation of their Names, and Other Useful Information, with an Atlas of Illustrations*. Bedford, Massachusetts, 1888.
10. *Candrakānta abhidhāna: Asamiyi sabdara butpatti aru udaharanere Asamiya-Ingriji dui bhashara artha thaka abhidhana*. Guwahati: Guwahati Bisbabidyalaya, 1962.
11. Diack A.H. *The Kulu Dialect of Hindi: Some notes of its Grammatical Structure, with Specimens of the Songs current amongst People, and Glossary*. Lahore, 1896.

12. Singh Nissor U. (ed. by Gurdon P.R.T.) *Khasi-English dictionary*. New Delhi: Mittal Publications, 2008 (1904).
13. Grierson G.A. *Linguistic Survey of India*. Vol.IX. Part IV. Delhi-Varanasi-Patna, 1916.
14. Hendriksen, H. *Himachali studies. III. Grammar*. København: Munksgaard, 1986.
15. Masica, C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991
16. Matisoff, J. A. *The Sino-Tibetan Etymological Dictionary and Thesaurus*. Berkeley, 2015.
17. Praharaj, G. C. *Purnnacandra Odia Bhashakosha*. Cuttack: Utkal Sahitya Press, 1931-1940.
18. Platts, J. T. *A dictionary of Urdu, classical Hindi, and English*. London: W. H. Allen & Co., 1884.
19. Ranganatha, M. R. *Survey of Mandeali and Kului in Himachal Pradesh. Census of India. 1971*. Language monograph No. 7. New Delhi: Office of the Registrar General, India, Language Division. 1980.
20. Singh, M. *The Panjabi dictionary*. Lahore: Munshi Gulab Singh & Sons, 1895.
21. Sharma D. (Saraswat). *Kuluti-Hindi vyakaran. Ek tulnatmak adhyayan* (Грамматика кулуту и хинди: сопоставительный анализ). New Delhi: Lekhni, 2014.
22. Shorto, H. *A Mon-Khmer comparative dictionary*. Canberra, 2006
23. Schmidt, R. L. *A Practical dictionary of modern Nepali*. Ratna Sagar, 1993-1994.
24. Steingass, F. J. *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature*. London: Routledge & K. Paul, 1892.
25. Thakur M.R. *Pahari bhasha kului ke vishesh sandarbh men* (Язык пахари с приложением описания кулуту). Delhi: Sanmarg Prakashan, 1975.
26. Turner, R. L. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages*. London: Oxford University Press, 1962-1966.
27. Turner, R. L. *A comparative and etymological dictionary of the Nepali language*. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1931.
28. Widmer, M. *A descriptive grammar of Bunan* (PhD diss.) 2014.